

Сказка Астрид Линдгрэн

" Мио, мой Мио! "

Меча грознее я не видывал в моем замке

Когда-нибудь, наверно, я забуду об этом. Когда-нибудь, наверно, я перестану вспоминать рыцаря Като. Я забуду его страшное лицо, его страшные глаза и его страшный железный коготь. Я мечтаю о том дне, когда перестану думать о нем. Тогда я забуду и его страшные покои.

Воздух в них был насыщен злобой. В этих самых покоях рыцарь Като просиживал дни и ночи, обдумывая свои козни. Дни и ночи напролет просиживал он там, обдумывая свои козни, и воздух в его покоях был так насыщен злобой, что нечем было дышать. Зло потоками изливалось оттуда, убивая вокруг все прекрасное и живое; оно уничтожало и зеленые листья, и цветы, и шелковистые травы; мутной завесой застилало оно солнце, и в этой стране никогда не бывало настоящего дня, а только ночь или сумерки. И ничего удивительного, что окно в замке над водами Мертвого Озера светилось точно злое око. То злоба рыцаря Като просачивалась наружу, когда, сидя в покоях, обдумывал он свои мерзкие козни.

Рыцарь Като схватил меня в тот самый миг, когда я крепко, обеими руками вцепился в ступеньку, чтобы не сорваться в пропасть. И я не мог обнажить меч. А потом черные стражники набросились на меня и повели в покои рыцаря Като. Там уже был Юм-Юм. Бледный и печальный, он прошептал мне:

– О Мио! Теперь все пропало!

Вошел рыцарь Като, и мы содрогнулись от его ужасного вида. Он молча смотрел на нас своими страшными змеиными глазами. Он исходил злобой, его злоба обдавала нас холодом, она обжигала наши лица и руки жгучим огнем, как дым, выедала глаза, проникала в легкие, не давая дышать. Я чувствовал, как волны его злобы окатывают меня. Я так устал, что не в силах был поднять меч, сколько бы ни старался. Стражники протянули меч рыцарю Като; он взглянул на него и вздрогнул:

– Меча грознее я не видывал в моем замке!

Он подошел к окну и долго стоял там, взвешивая меч в руке.

– Что сделать с этим мечом? – спросил рыцарь Като. – Добрых и невинных такой меч не берет. Что с ним сделать?

Он взглянул на меня своими страшными змеиными глазами и понял, как жажду я заполучить свой меч назад.

– Я утоплю этот меч в Мертвом Озере! – сказал рыцарь Като. – Я утоплю его в самом глубоком омуте Мертвого Озера. Потому что меча грознее еще не бывало в моем замке.

Он поднял меч и швырнул его в окно. Я увидел, как меч сверкнул в воздухе, и отчаяние охватило меня. Много-много тысяч лет Ковател Мечей выковывал меч, рассекающий камень. Много-много тысяч лет все ждали и надеялись, что я одержу победу над рыцарем Като. А теперь он утопил мой меч в Мертвом Озере. Никогда больше я не увижу его, всему конец.

Рыцарь Като подошел и встал перед нами так близко, что его злоба чуть не задушила меня.

– Как мне расправиться с моими врагами? – спросил сам себя рыцарь Като. – Как расправиться с моими врагами, которые пришли издали погубить меня? Об этом стоит подумать! Я мог бы обратить их в птиц и заставить много-много тысяч лет с криком носиться над Мертвым Озером...

Он говорил, а взгляд его страшных змеиных глаз обжигал нас.

– Да, я мог бы обратить их в птиц, – продолжал он, – либо вырвать сердца из их груди и вложить туда сердца из камня. Я мог бы сделать их своими маленькими слугами, если бы вложил им сердца из камня.

"О, преврати меня лучше в птицу!" – хотел крикнуть я. Мне казалось, что ничего на свете не может быть хуже каменного сердца.

Но я не крикнул. Я понимал, что, если попрошу обратить меня в птицу, рыцарь Като сразу же вложит мне в грудь каменное сердце.

Рыцарь Като сверлил нас своими страшными змеиными глазами.

– А может, посадить их в башню, чтоб они умерли с голоду? – спросил он. – У меня много птиц, у меня много слуг! Посажу-ка я своих врагов в Голодную Башню, пусть подохнут с голоду.

Он прохаживался взад и вперед, погруженный в свои думы, и каждая новая мысль его все больше и больше насыщала воздух злобой.

– В моем замке умирают от голода за одну ночь, – сказал он. – Ночь в моем замке так долга, а голод так силен, что умирают за одну ночь...

Остановившись перед нами, он положил свой страшный железный коготь на мое плечо.

– Я знаю тебя, принц Мио! – сказал он. – Стоило мне увидеть твою белую лошадь, я понял: явился ты. Я поджидал тебя. Ты, верно, думал, что настала ночь битвы?

Он склонился надо мной и прошептал в самое ухо:

– Ты думал, что настала ночь битвы, но ты ошибся, принц Мио. Это ночь голода. Кончится ночь, и в башне замка я найду лишь маленькие белые косточки. Больше ничего не останется от принца Мио и его оруженосца.

Он постучал железным когтем по большому каменному столу, стоявшему посреди залы, и вошел новый отряд стражников.

– Заточить их в Голодную Башню! – повелел рыцарь Като и указал на нас железным когтем. – Заточить их в башню за семью замками.

Пусть семеро стражников несут караул у дверей башни, а семьдесят семь стражников охраняют залы, лестницы и галереи, соединяющие башню с моими покоями.

Он сел за стол.

– Я хочу спокойно сидеть здесь, за столом, обдумывая свои козни. Я не хочу, чтобы принц Мио мешал мне. Когда кончится ночь, я пойду в башню взглянуть на ваши маленькие белые косточки. Прощай, принц Мио! Спи спокойно в Голодной Башне!

Стражники схватили нас с Юм-Юмом и поволокли через весь замок в башню, где нас ожидала гибель. Повсюду – во всех залах, в галереях и на лестницах – уже были выставлены стражники. Они должны были охранять путь из башни в покои рыцаря Като. Неужто он, могущественный рыцарь Като, так боится меня, что окружил себя полчищами стражников? Неужто он боится меня, безоружного, брошенного в Голодную Башню за семью замками и с семью стражниками у дверей?

Стражники крепко держали нас за руки, пока мы шли к темнице. Мы шли и шли по галереям огромного мрачного замка. Прошли и мимо зарешеченного окна, и я увидел внутренний двор замка. Посреди двора стояла лошадь, прикованная цепью к столбу. Черная лошадь с маленьким черным жеребенком. При виде ее у меня екнуло сердце. Я подумал о Мирамис, которую больше никогда не увижу. Что они сделали с ней, жива ли она?.. Стражник сильно дернул меня за руку и потянул за собой. Больше я о Мирамис думать не мог.

И вот мы в башне, где нам предстоит провести последнюю ночь своей жизни. Тяжелая железная дверь со скрежетом захлопнулась за нами, и мы услышали, как стражники семь раз повернули ключ. Мы с Юм-Юмом остались одни в нашей тюрьме, Юм-Юм и я. Нашей тюрьмой была круглая сводчатая башня с толстыми каменными стенами, с маленьким окном, забранном железной решеткой. Через окно доносились печальные крики заколдованных птиц, круживших над Мертвым Озером.

Мы уселись на пол, чувствуя себя такими маленькими и беззащитными! Мы знали: лишь только ночь подойдет к концу, мы умрем.

– Эх, была бы смерть не так тяжка, – сказал Юм-Юм, – а мы не так малый беззащитны!

Мы сидели на холодном полу, крепко держа друг друга за руки. Нас одолевал голод. То был не обычный голод. Он душил нас, выворачивал внутренности, леденил кровь, лишал сил; нам хотелось лечь на пол, уснуть и никогда больше не просыпаться. Но мы не должны были спать, мы изо всех сил боролись со сном. Перед смертью мы стали вспоминать Страну Дальнюю.

Я подумал об отце-короле, и на глаза у меня навернулись слезы. Я так ослаб от голода, что не мог громко плакать, и слезы тихо катились по щекам. Юм-Юм тоже плакал потихоньку.

– Эх, была бы Страна Дальняя не так далеко, – прошептал он, – и Остров Зеленых Лугов тоже. И были бы мы не так малы и беззащитны!

– Помнишь, как мы бродили по холмам на Острове Зеленых Лугов, наигрывая на флейтах? – спросил я. – Помнишь, Юм-Юм?

– Да, но то было давным-давно, – ответил Юм-Юм.

– Мы можем сыграть на флейтах и здесь, – предложил я. – Мы можем наигрывать старинный напев, пока голод не одолеет нас, пока не умрем.

– Что ж, сыграем еще разок, – прошептал Юм-Юм.

Мы достали флейты. Слабые руки едва удерживали их, но мы заиграли старинный напев. Мы играли, а Юм-Юм плакал, и слезы тихо катились по его щекам. Может, я тоже плакал, не замечая этого. Старинный напев был так прекрасен, но звучал едва слышно, словно предчувствуя, что вскоре смолкнет и он.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Хотя мы играли тихо, заколдованные птицы услышали старинный напев и всей стаей подлетели к нашему окошку. Сквозь решетку я видел их грустные блестящие глаза. Потом птицы улетели, а мы не могли больше играть.

– Ну вот мы и сыграли в последний раз, – сказал я и хотел положить флейту в карман.

Но там что-то было! Я сунул руку и нащупал в кармане ложечку. То была маленькая чайная ложечка сестренки мальчика Йри!

Мне хотелось, чтобы заколдованные птицы снова подлетели к нам. Я бы показал им ложечку. Может, сестренка мальчика Йри узнает ее. Но заколдованные птицы больше не показывались. Рука моя разжалась, и ложечка упала на пол.

– Смотри-ка, Юм-Юм, – сказал я, – я нашел ложечку!

– Ну и что! – ответил Юм-Юм. – Зачем нам ложечка, если нет еды?

Улегшись на пол, Юм-Юм закрыл глаза и умолк. Я чувствовал страшную усталость. Все тело свело от голода. Сейчас я проглотил бы любую еду – все, что угодно. Больше всего мечтал я о хлебе, хлебе насущном. Но я знал: его мне больше не есть. Я мечтал о ключевой воде, утоляющей жажду. Но я знал: ее мне больше не пивать. Никогда не придется мне больше ни пить, ни есть. Я вспоминал даже кашу-размазню, которой тетя Эдля пичкала меня по утрам и которую я терпеть не мог. Сейчас я проглотил бы даже эту размазню, и она пришла бы мне по вкусу.

О, я готов был съесть все что угодно! Из последних сил поднял я с пола ложечку и сунул ее в рот.

Что такое?! Ложечка кормила меня! Я будто поел хлеба насущного и испил ключевой воды, утоляющих голод и жажду. Ложечка кормила меня, и вкуснее этой еды я не ел ничего на свете. И вот чудо: ложечка казалась бездонной, еда в ней не убывала, и я наелся досыта.

Юм-Юм лежал на полу, закрыв глаза. Я сунул ложечку ему в рот, и он начал есть, словно во сне. Потом сказал:

– О Мио, мне приснился чудесный сон. Теперь и умирать легче. Мне приснился хлеб, хлеб насущный.

– Это не сон, – ответил я.

Юм-Юм открыл глаза и уселся на полу. Он понял наконец, что жив и сыт. Несмотря на нашу беду, мы почти повеселели.

– Что сделает с нами рыцарь Като, когда увидит, что мы не умерли с голоду? – спросил Юм-Юм.

– Только бы он не вложил нам в грудь каменные сердца! – ответил я. – Я так боюсь каменного сердца!

– Ночь еще не кончилась! – сказал Юм-Юм. – Рыцарь Като еще не пришел. Давай поговорим о Стране Дальней. Так и время пройдет.

Сядем поближе друг к другу, чтобы немного согреться.

В башне было холодно, мы продрогли до костей. Плащ сполз с моих плеч и упал на пол. Я поднял его и закутался поплотнее. Как хорошо, что добрая ткачиха подбила мой плащ волшебной тканью! Вдруг раздался крик Юм-Юма:

– Мио! Мио, где ты?

– Я здесь! – ответил я.

– У двери.

Юм-Юм осветил вокруг огарком свечи. Эту жалкую подачку мы получили от рыцаря Като. Вне себя от страха Юм-Юм ползал по темным углам, пытаясь найти меня.

– Где ты? – взмолился он. – Не слепой же я, раз вижу дверь, тяжелый засов и стены нашей темницы.

И тогда я понял, что, надевая плащ, вывернул его наизнанку. Сверкающая волшебная подкладка, которой ткачиха подбила плащ, оказалась сверху. Едва я снова скинул плащ, Юм-Юм воскликнул:

– Не пугай меня так! Где ты прятался?

– А сейчас ты видишь меня? – спросил я.

– Еще бы! – ответил Юм-Юм. – А где ты прятался только что?

– Под своим плащом, – сказал я. – Верно, ткачиха превратила его в плащ-невидимку!

Мы примеряли плащ и так и этак – в самом деле, он становился невидим, как только его выворачивали наизнанку.

– А теперь давай кричать во весь голос! – предложил Юм-Юм. – Может, стражники прибегут посмотреть, что тут случилось. А ты прошмыгнешь мимо них в своем волшебном плаще, выберешься из замка рыцаря Като и вернешься в Страну Дальнюю цел и невредим.

– А как же ты, Юм-Юм? – спросил я.

– Мне придется остаться, – дрогнувшим голосом ответил Юм-Юм. – Ведь только у тебя плащ-невидимка!

– Да, плащ-невидимка у меня только один! – сказал я. – И друг только один! И мы умрем вместе, если не сможем спастись оба.

Юм-Юм крепко обнял меня.

– Я хочу, чтобы ты убежал отсюда и вернулся в Страну Дальнюю. Но ты остаешься со мной, и я не могу не радоваться. Мне стыдно, но я ничего не могу с собой поделать.

Не успел он это сказать, как случилось чудо. Вернулись заколдованные птицы. Они часто-часто взмахивали крыльями у самой оконной решетки. Птицы с трудом удерживали в клювах что-то тяжелее. То был меч! Мой меч, рассекающий камень!

– Мио! – крикнул Юм-Юм. – Заколдованные птицы достали твой меч со дна Мертвого Озера!

Я подбежал к окошку и, протянув руки сквозь решетку, взял меч. Он полыхал огнем, с него стекали капли воды, но и они сверкали огнем.

– Спасибо вам, милые добрые птицы! – сказал я. Но птицы только посмотрели на меня своими блестящими грустными глазами и, горестно крича, снова взмыли над Мертвым Озером.

– Здорово, что мы догадались сыграть на наших флейтах! – сказал Юм-Юм. – Иначе бы птицам не найти дорогу к этой башне.

Я почти не слушал. Я стоял в темнице, сжимая в руке меч. Мой меч, мой огненный меч! Никогда прежде я не чувствовал себя таким сильным. Я вспоминал своего отца-короля, я знал: он думает обо мне.

– Ну, Юм-Юм! – сказал я. – Для рыцаря Като настал час его последней битвы.

Юм-Юм побледнел, а глаза его радостно заблестели.

– Как ты справишься с семью замками? – спросил он. – Как проскользнешь мимо семидесяти семи стражников?

– Семь замков разобьет мой меч, – ответил я, – а плащ спрячет меня от семидесяти семи стражников.

Я набросил плащ на плечи. Волшебная ткань засверкала в темноте, она сверкала так, что могла осветить весь замок рыцаря Като. Но Юм-Юм сказал:

– Я не вижу тебя, Мио, хоть и знаю: ты здесь. Я буду ждать, когда ты вернешься.

– А если я не вернусь никогда? – спросил я. Разве мог я знать, кто победит в этой битве с рыцарем Като!

Мы замолчали, мы долго молчали. А потом Юм-Юм сказал:

– Если ты никогда не вернешься, Мио, мы будем думать друг о друге. Мы будем думать друг о друге, пока хватит сил.

– Верно, Юм-Юм! – ответил я. – Я буду думать о тебе и об отце в свой последний час.

Я поднял меч, и он рассек железную дверь, словно она была из теста. Ведь для меча, который рассекает камень, железная дверь все равно что тесто. И безвучно, словно тесто, рассек мой меч железо. Несколькими быстрых ударов, и я отбросил прочь огромный замок.

Я отворил дверь, она чуть слышно заскрипела. Семеро стражников стояли в карауле за дверью. Услышав скрип, они обернулись. Они смотрели прямо на меня. А я стоял в своем сверкающем волшебном плаще и думал: "Как ярко светится плащ, они видят меня!" Но они меня не видели.

– Я слышал скрип в ночи! – сказал один из стражников.

– Да, что-то скрипнуло в ночи! – сказал другой.

Они стали рыскать по сторонам, – меня они не видели.

– Верно, злобная мысль рыцаря Като со скрипом пронеслась мимо! – сказал третий.

Но я был уже далеко. Пряча свой меч под плащом, я бежал со всех ног к покоям рыцаря Като.

Повсюду – во всех залах, галереях и на лестницах – стояли стражники. Огромный черный замок был полон черных стражников. Но меня они не видели. Меня они не слышали.

А я бежал все дальше и дальше, к покоям рыцаря Като.

Я не испытывал больше страха. Я был бесстрашен как никогда. Я уже не тот Мио, что строил шалаши в королевском саду и играл на Острове Зеленых Лугов! Я – рыцарь, готовый к битве!

И я бежал все дальше и дальше, к покоям рыцаря Като.

Я бежал со всех ног. Мой волшебный плащ полыхал за плечами, он сверкал и переливался в темноте замка.

А я бежал все дальше и дальше, к покоям рыцаря Като.

Меч огнем вспыхивал в моей руке, он сверкал и пламенел. Я крепко сжимал рукоять и бежал все дальше и дальше, к покоям рыцаря Като.

Я думал о своем отце-короле. Я знал, что и он думает обо мне. Наконец-то! Близок час битвы! Но битва меня не пугает. Я рыцарь без страха и упрека, и в руке моей меч.

И я бежал все дальше и дальше, к покоям рыцаря Като.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Вот и покои рыцаря Като!

Я распахнул двери. Рыцарь Като сидел спиной ко мне за каменным столом. Он исходил злобой.

– Обернись, рыцарь Като! – сказал я. – Настал час твоей последней битвы!

Он обернулся. Я сорвал с себя плащ и предстал перед ним с мечом в руке. Его страшное лицо посинело и сморщилось, в его страшных глазах мелькнули ненависть и ужас.

Миг – и он схватился за меч, лежавший рядом с ним на столе. Началась его последняя битва.

Грозен был меч рыцаря Като, но где ему сравниться с моим грозным мечом! Мой меч сверкал, блестел и пламенел, он молнией рассекал воздух, беспощадно скрещиваясь с мечом рыцаря Като.

Целый час длилась эта битва, битва, которую ждали много–много тысяч лет. Молчаливая, страшная битва! Мой меч, точно молния, рассекал воздух, скрещиваясь с мечом рыцаря Като. Наконец я выбил меч из его руки. Безоружный стоял предо мной рыцарь Като. Он знал: битва проиграна.

Тогда, разорвав на груди черный бархатный камзол, он воскликнул:

– Гляди не промахнись! Рази в самое сердце! В мое каменное сердце! Слишком долго терзало оно меня и причиняло страшную боль!

Я заглянул в его глаза. И такими чудными показались мне эти глаза. Мне показалось, будто рыцарь Като жаждет избавиться от своего каменного сердца. Может быть, больше всех на свете ненавидел рыцаря Като сам рыцарь Като?

Я не стал мешкать. Я поднял свой огненный меч и пронзил мечом каменное сердце рыцаря Като. В тот же миг он исчез. Его не стало.

Лишь на полу лежала груда камней. Только груда камней! И еще железный коготь.

На подоконнике в покоях рыцаря Като билась крыльями о стекло маленькая серая птичка. Верно, ей хотелось на волю. Я не видел этой птички раньше, не знаю, где она пряталась. Я подошел к окну и распахнул его, чтобы выпустить пленницу на волю. Птичка вспорхнула, взмыла ввысь и радостно защебетала. Видно, долго томилась в неволе.

Я стоял у окна и смотрел вслед улетающей птичке. И увидел, что ночь кончилась и наступило утро.

[Назад](#) << >> [Дальше](#)